

Елена ГОФМАН

Родилась в 1970 году. Окончила Ленинградский государственный институт культуры (библиотечный факультет, художественная литература), живет в Ленинградской области. Инструктор по ЛФК и йогатерапии, экскурсовод по Карельскому перешейку и Северному Приладожью.

Стихи и проза публиковались в журналах «Российский колокол», «Нижний Новгород», коллективных сборниках. Работает над сборником рассказов «Четки» об островах Ладоги.

Живёт в Ленинградской области.

Из цикла «ЧЁТКИ»

Ладожские острова... Один священник в своей проповеди уподобил островам четкам, Божьим узелкам на нитях Севера. Они, по его разумению, призваны приближать земное к небесному, поэтому именно там целое скопление церквей и монастырей.

Мои рассказы тоже подобны четкам: они нанизаны на нить повествования о людях Севера, обычных и необычных, верующих и не очень, потому что именно люди создавали и создают на островах, осколках скудной каменистой земли, обители жизни и света.

Е. Г.

Угорелые

Два здания каре, одно в другом, внешнее и внутреннее, окружали пространство собора и были построены на острове Валаам специально для монашеского общежития. Представьте себе длинные коридоры, вереницы дверей и топок. Дверь в келью, а рядом печная дверка. И вновь келейная дверь и вновь топка. Так была устроена монастырская бытность. Сами печи, так называемые щитки, находились внутри толстых кирпичных стен и топились из коридора. И делал это один человек. Он по благословию игумена исполнял послушание истопника: принесённые дрова сначала складывал у топок в коридоре, а затем затапливал их в определенное время. Дрова заготавливались в местных лесах и всегда были сырыми. И для того, чтобы они лучше горели, истопники иногда сушили их внутри остывших, но ещё тёплых печек. Щитки были сложены из старых кирпичей, прочных и теплоёмких. А дымоходы строились так, чтобы печи хранили долго драгоценное тепло. В девяностые годы после полувекового забвения монастырская жизнь на Валааме возродилась, но немногочисленная братия занимала кельи только внутреннего каре, во внешнем же жили работники и местные жители.

Истопники знали печи в совершенстве, чего нельзя сказать о современных островитянах, в том числе и о Вере. Она проснулась, но никак не могла открыть глаза. Сознание возвращалось медленно, словно пробивалось сквозь толщу вязкой жидкости, в которой тонули любой

образ, любая цельная мысль. И тяжесть... Откуда эта непривычная тяжесть в висках? Веки было не открыть, даже когда пришло понимание, что Вера проснулась дома в своей кровати у печки. Старая печь длиною метра в два остывала долго, и Вера чувствовала спиной её уютное тепло. Но почему болит голова? И где найти силы, чтобы поднять веки? Ведь не Вий же она, в самом деле, а Вера. И живёт, хоть и в квартире монастырского каре с чёрным котом, но к нечистой силе никакого отношения не имеет. Она лежала, не в силах пошевелиться, стараясь собраться с мыслями. А правда, где кот Понтифик? Почему не скачет весело по кровати, как обычно, не будит её? Как поднять голову? И что за тошнотворный кислый запах витает в воздухе?

И вдруг резко, как мячик на резинке, выскочила мысль: «Угорела!» Вера быстро открыла глаза и даже приподняла голову. Она увидела сумрачный свет за небольшим окошком второго этажа, широкий подоконник, на котором любил нежиться кот, светлые шторы и сводчатые потолки, создающие небесный купол прямо в квартирке – келье. «Да, угорела! Кислота в воздухе, тяжесть, тошнота... Да, так и есть. Надо встать, встать... и открыть форточку...» Казалось, тело по-прежнему пребывало во сне, не слышало и не слушалось команд хозяйки. И вдруг неожиданно оно, словно на пружине, само по себе неловко подскочило. На секунду Вера ощутила себя в вертикальном положении, поспешила сделать несколько шагов к окну и с грохотом упала на пол. Сознание камнем полетело в вязкость обморока, и остатки телесных ощущений разошлись, как круги по воде.

Что-то мягкое и шершавое коснулось щеки, и Вера пришла в себя. Понтифик, распластавшись по полу, лизал её лицо, оказывая посильную помощь угорелой хозяйке. Она попыталась улыбнуться, но распухая от удара губа не позволила это сделать. Кот пополз к дверному проему в сторону кухни. «Он знает, что делать. Надо брать с него пример», – подумала Вера и, упершись ладонями в гладкие половые доски, проползла немного вперед. Она поняла, что основная кислота разлита в воздухе выше, и, отдышавшись, стала медленно продвигаться туда, где за дверью исчез Понтифик. Мыслительный процесс работал медленно, но четко, в виде команд самой себе. Конечной целью её движения был телефонный аппарат, стоявший на тумбочке у входной двери. Хорошо, что в её служебной квартирке был рабочий телефон. Из всех друзей такой имелся только у подруги Тани.

Ещё немного, и Вера преодолела дверной проём, увидела Понтифика, который уткнулся мордочкой в щель между плинтусом и полом, вдыхая холодный неотравленный воздух. Ещё немного, и телефон, потянутый её рукой за провод, упал на пол и спасительно загудел.

– Таня, я... я у-у-угорела! – Верин голос сорвался на кашель.

– Вера, где, где ты?

– Дом-м-м-а...

Кашель слился дуэтом с телефонными гудками на несколько минут, но Веру не напугал. Главное – не потерять сознание. Дверь была закрыта изнутри, поэтому нужно было встать и откинуть крючок. Вскликать ни в коем случае нельзя, губа болела невыносимо, напоминая о недавнем падении. Значит, нужно продумать стратегию подъёма, пока кашель соревновался с телефоном и постепенно сходил на нет. Продумать и действовать. Тумбочка оказалась в нужном месте, в неё Вера уперлась локтями. Потом она приподнялась ещё выше и оперлась на стол под рукомойником, и ощупью, не поднимая головы, попыталась

откинуть крючок. Несмотря на плавность движения, подъём вызвал сильную волну тошноты. Вера, сползая вниз, всё же успела откинуть крючок и, распластавшись, отползла от двери, зная, что та открывается внутрь. Она закрыла глаза, ожидая долгожданные шаги подруги. И вот, наконец, волна холодного коридорного воздуха обдала Веру, когда Татьяна резко открыла дверь и ухватила её за подмышки...

– Немного теплого молока и спать, Вера, спать. – Таня нежно и заботливо укрыла Веру одеялом. – Столько сил потратила, пока на первый этаж спускались. А теперь спи... Дима за котом к тебе наверх побегал. Пока твоя квартирка проветривается, у нас побудешь. А, вот и он...

Зашёл Дима с Понтификом в руках. Кот, завидев хозяйку, вырвался из сильных мужских ладоней, забрался на кровать и стал ласкаться к хозяйке. Вера с трудом подняла руку и погладила питомца, который перенёс угар гораздо лучше её.

– Эх, Вера, поспешила ты, однозначно, поспешила, да? Дрова сырые в топку закинула? И кто тебя научил мокрые дрова в теплой печке сушить? – Димин голос звучал строго, но глаза улыбались.

– Ты, – прошептала девушка.

– Разве я?! Не может быть!.. Ну тогда я однозначно должен был предупредить... Про опасность угореть.

– Нет...

– Да быть такого не может! – стал отнекиваться Дима и плавно перевёл разговор: – Я вот почему мастером печных дел стал? Однозначно не просто так. Когда нам эту квартиру дали, стена вся в трещинах была, дымоход не справлялся. Печь мощная, однозначно, но на ладан дышала, дымила как паровоз... Я сразу смекнул, что самое главное на острове – это хорошая печка. Однозначно. Да и тебе повезло. Стена, отштукатуренная после ремонта, углекислоту не сильно пропускала. А то иначе ты и не проснулась бы: дрова-то почти метровые были. Ты молодец, но теперь спи. Мы созвонились с фельдшером, он на материке: прописал молоко и сон.

Понтифик засопел у неё в ногах. Глаза у Веры слипались. Тошнота накрывала только от поворотов с боку на бок. И казалось, что холод её одиночества сгорел вместе с дровами в закрытой топке.словно образ девушки – перекаати-поле, странницы, которая живёт, где хочет, сама по себе, – превратился в пепел на углях в монастырской печи. Что искала она? Какую истину стремилась постичь? Отстраненность от житейских бурь всегда была присуща Вере, но в последнее время одиночество совсем сильно стало давить и угнетать её. Вот если бы рядом был близкий человек, разве такое могло случиться? Зачем она, молодая девушка, уехала на край света, далёкий монашеский остров, где людей меньше, чем лодок на пристани? Зачем живёт в келье со сводчатым куполом, созданной не для мирского жития, а для молитвы? Да, здесь время бежит медленнее, люди ближе друг к другу, но семья... Может быть, её занесло на остров именно для того, чтобы понять, что ей очень нужна семья... Супруги шептались на кухне. Трещали дрова. Молоко разливалось внутри, смягчая отравленные легкие. И сон пуховым одеялом накрыл Веру. Проснувшись, она увидела бородатое лицо лесника Коли.

– Угорела, значить? – прямолинейно заявил он. – Жена тебе чернички-бруснички передала. На хуторе уже все знают, что ты угорела. Такая угарная девица и угорела! Кто тебе разрешил? Да молчи, не отвечай. Вон как губу раздуло! Упала, наверное?

Вера поджала губу и чуть не расплакалась: вспомнила, как упала лицом в пол с высоты собственного роста, как ползла к телефону, как тянула его за шнур из последних сил. И волна жалости к себе захлестнула Веру.

– Когда мы с женой в бане угорели, я тоже сильно загремел об косяк, – продолжил лесник. – Обе губы разбил сразу, значить. Пару месяцев ходил мордастым-губастым, как голливудская звезда.

– Ты тоже угорал? – прошептала Вера, и плакать ей расхотелось.

– Угорал, угорал... Я и сейчас угораю над тобой. Истопница ты наша! Хотя и сам когда-то был таким же... молодым-зеленым... А я разве тебе не рассказывал?.. Давно это было, до детей ещё, когда только приехали на остров. Поспешил я, значить, топку-то раньше времени закрыть. Дрова березовые хорошо горят, значить, углекислоты много выделяют. Я поворожал угли в печке ногой-кочергой да и не посмотрел, что под синевой ещё краснота сохранилась, закрыл заслонку. А сидели мы с женой в парилке долго, хотели, значить, распариться получше. Ну я и упал прямо на ступеньках, а она в предбаннике. И что удивительно, жена первая в себя пришла и меня разбудила, спасла! О, там к тебе ещё гости. Ладно, пошёл я. Бывай, поправляйся, значить.

Влетела неугомонная Ксюша, раскрасневшаяся с мороза, улыбнулась. Ямочки прелестно заиграли на её щеках, и она затараторила:

– Верка, ты как? Моргаешь? Ну, будешь жить, раз моргаешь! Я только со спевки. Рассказала отцу Корнилию, что ты угорела, так он прямо на спевке молебен о твоём здравии и отслужил. Да как отслужил! Пели от всего сердца! После такого молебна ты не только ходить, летать должна, аки птица небесная!

– Летают в раю... – прошептала Вера и вздохнула.

– Да рано тебе ещё в рай-то, на земле полно дел. Я тоже думала, что, того-этого, не выживу, когда от обогревателя старого угорела.

– И ты угорела? – удивилась Вера.

– А ты не знаешь эту историю? Почти угорела... Меня силы небесные спасли... Обогреватель старый был, масляный, начал перегреваться. Келья-то у меня маленькая, сама знаешь. Сплю я и вижу сон, что раскаленная пирамида лежит на моей груди. Жарко мне, задыхаюсь, а сплю, пошевелиться не могу. И вдруг слышу голос с неба: «Встань!» А я не могу... И опять тот же голос: «Встань!» Не веришь? А я точно знаю, что это не мой внутренний голос был, а настоящий ангельский. Потому что проснулась я в тот самый момент, когда провод обогревателя искриться начал. Так что, Вера, хочешь не хочешь, а поверишь в силы небесные... Вот тебе малиновое варенье. Давай с молоком выпей, да я побегу в храм...

Вера, несмотря на разбитую губу, заулыбалась, провожая взглядом искрометную Ксюшу, которая помчалась как угорелая на службу. Комната погружалась в сумерки. Понтифик забрался под одеяло и мурлыкал совсем рядом. Девушке казалось, что события последних лет сплелись в удивительный странный узор, как сиреневые тени в комнате. Не случилось в её жизни всё и сразу: и беды, и радости копились постепенно. Мало-помалу и сырые дрова разгораются. Жизнь чаще тлеет, чем горит, чадит, а не полыхает. Исподволь возникли в душе безнадежность и ощущение тупика. Но мало-помалу и птица гнездо свивает. И как бы ни складывалась её судьба, сейчас Вера чувствовала покой и умиротворение.

Да, она на далёком северном острове, за тысячу километров от родных. Он затерялся в холодных водах Ладожского озера, скованных мощными льдами. И городок Сортавала, ближайшее поселение

на большой земле, прятался в шхерах в сорока километрах от архипелага. Валаамский дух островитян горожане чувствовали безошибочно. Одна продавщица в магазине, где Вера мерила спортивный костюм, неожиданно спросила её: «А вы с Валаама?» Вера ответила утвердительно и поинтересовалась, как же она догадалась. «От валаамских всегда пахнет дровами», – простодушно заявила та. Да, на острове было только печное отопление, и стать жертвой едкого дыма было что-то типа посвящения в островитяне. Здесь опасность угара уступала только опасности провалиться под лёд. Вера чувствовала, что находится у себя дома. Её окружали добрые заботливые люди, пусть угорелые, но живые и настоящие. Но, лежа под сводчатым куполом в квартире друзей, она отчетливо поняла, что обязательно уедет на материк: не место молодым девушкам в монашеских кельях.

Таня гремела посудой на кухне. Пахло блинами и уютным семейным теплом. Вдруг в коридоре загорелся свет, и послышались громкие шаги.

– Кто там? – спросила Татьяна и опешила от ответа.

– Попкорн!

– Кто?

– Поп... Корн! Поп Корнилий...

Таня рассмеялась, и они зашептались в коридоре.

– Где ваша угорелая?

– Спит...

– Ну, пусть отдыхает, сил набирается. Вот ей просфора, – протянул руку отец Корнилий, – пусть завтра натошак скушает. А я за Дмитрирем зашёл. Печка больно дымит в покоях у эконома. Пусть посмотрит.

Послышался Димин голос: «Да, иду...» И пока печник одевался, отец Корнилий рассказывал ему о том, как прошлой зимой на Никольском скиту он чуть было не угорел...

Льды

Грузовик с треском проехал мимо. Отец Иоиль присел и замахал руками в попытке сохранить баланс. Лёд заходил ходуном, стал подниматься и опускаться, немного вверх, немного вниз, совсем невысоко, но достаточно для того, чтобы выбить почву из-под ног священника. Вода подо льдом разволновалась, зашлась небольшими волнами, стала плескаться, стучаться изнутри в ледовую преграду, словно просилась наружу, на свежий морозный воздух и яркое полуденное солнце.

Трудник Сергей, парень, кося сажень в плечах, усмехнулся, подерживая невысокого священника за руку.

– Лёд не асфальт, он живой... Сейчас успокоится...

– Да, непривычно немного... – в голосе отца Иоиля послышались нотки нарочитого равнодушия, – я впервые по льду хожу...

Пришлось подождать несколько минут, пока вода и лёд придут в первоначальное равновесие, и только потом отправиться дальше, вслед за быстро удаляющимся грузовиком, который и нарушил зимнюю неподвижность озера. Трудник уверенно шёл по скользкому льду в кирзовых сапогах, и на каждый его шаг священнику приходилось делать три своих. С высоты собственного роста Сергей посматривал на отца Иоиля снисходительным взглядом. Таким обычно одаривают местные жители карельских островов заезжего горожанина. Темно-коричневые кожаные полусапожки священника были начищены до блеска и сияли

от собственной красоты. Шерстяной подрясник отца Иоиля насыщенно чёрного цвета, казалось, только что покинул швейную мастерскую, настолько был опрятен и выглажен. А светлая дубленка, наверное, ещё вчера висела на Черкизовском рынке в ожидании достойного покупателя. Сам Сергей одет был просто, обычно для островного монастырского поселенца: в чёрную куртку, из-под которой выбивались полы рубахи, и старые потрёпанные брюки.

Они подошли к берегу, где стоял немецкий «Робур» с высоким крытым кузовом. Небольшой, но тяжелый грузовик, полноприводный, был подарен Валаамскому монастырю военными, когда обитель только начала возрождаться в начале девяностых. Возле машины топтался коренастый водитель Ваня, проверяя состояние колес. Безбородый и белобрысый, одетый так же, как Сергей, он нарочно сдвигал брови, чтобы казаться старше и серьёзней. Ему предстояло проехать по ледовой дороге от Сортавальских шхер до острова Валаам сорок километров, чтобы доставить в монастырь долгожданную провизию и отца Иоиля, который и в Карелии-то был впервые. Сергей специально прогулялся с ним по льду, пока Ваня сгонял до ближайшей заправки. Они забрались в кабину, усадив батюшку посередине. Священник никак не мог устроиться поудобнее: то смущенно ёрзал по сиденью, то болтал короткими ногами в новых сапожках.

– Кому дорожка скатертью, а нам вот скользкая выпадает... Говорят, скользкую дорогу надо тормозной жидкостью поливать, – попробовал пошутить отец Иоиль, но водитель, протирая тряпкой лобовое стекло, на шутку не отреагировал.

– О скользком вскользь лучше не говорить, так ведь? – обратился батюшка к Сергию с усмешкой, но тот только пожал плечами.

В иные моменты люди подобны льдинам. Они становятся немymi, холодными и отстраненными. Жизнь собрала их, как торосы в кучу, в одном каком-то месте и вынудила уживаться и примиряться друг с другом. Даже христианская вера не в силах разрешить противоречия сложной человеческой натуры. Вода и ветер шлифуют льды на Ладоге, а души и характеры людей оттачиваются жизненными обстоятельствами. Отец Иоиль вздохнул, прочитал молитву Николаю Угоднику, и грузовик, взревев, тронулся в путь.

Ладога настолько обширна и глубока, что не успевает остыть и замёрзнуть полностью. То тут, то там появляются промоины и открытые участки воды, откуда даже в сильные морозы клубится пар. Эти испарения оседают на прибрежные острова, превращая их в белые изваяния. Скалы застывают в оплывах льда, местами голубоватого, местами жёлтого. Заиндевелые деревья стоят, не шелохнувшись, погруженные внутрь самих себя. Даже солнце не в состоянии прервать зимнюю задумчивость северного мира. И только человек нарушает безмолвие.

Грузовик загрохотал и отравил прозрачный воздух выхлопными газами. От подобной наглости залежалый лёд возмущенно затрещал под тяжестью «Робура». И снежная пыль резко взметнулась из-под колес. Грузовик разогнался и помчался вдоль изрезанного берега по узким проливам шхер, которые были испещрены рыбацкими путями. Проезжающие каракаты, трехколесные грузовые мотороллеры на надувных колесах, походили на гигантских робо-муравьев. Они то разбегались к берегам, то вновь приближались к основной ледовой трассе мимо неподвижных фигур рыбаков.

– В России не две, а три беды: дураки, дороги и рыбаки на льдинах... – усмехнулся отец Иоиль, но трудники, будучи северными жителями, не приняли шутку священника.

– У трещин и торосов всегда лучше клюёт, вот рыбаки и ищут надежные места. Да и потом... в наше время перемен... без рыбы здесь не проживёшь, – деловито объяснил Сергей.

Возможно, что именно лёд определял бытие местных жителей. Суровые условия, конечно, закаляли характер и сплывали людей. Однако холод, мерзлые камни, обломки льда проникали даже в сердце людское и превращали северного человека в одиночку – закрытое, постоянно погруженное в себя существо. Он привыкал прятать своё тепло и свет внутри ледяного панциря собственной личности.

Лёд трескуче возмущался за спиной, но был слишком крепок и легко выдерживал тяжесть грузовика в прибрежных заливах. За час с небольшим «Робур» достиг крайних островов и вышел на простор открытой Ладоги. Половина пути осталась за спиной. Казалось, сама жизнь спряталась в шхерах, и впереди не было ничего, кроме льда. Белая пустыня, бескрайнее озеро с разными подводными течениями, перепадами глубин и температур, застывшее, но живое, оно словно дышало. Иногда на вдохе его ледовая рубаха трещала по швам, образуя прорехи и длинные расколы. Тогда льды либо расходились по линии швов, углубляя ширину трещин до полутора метров, либо сходились и вздыбливались торосами. Сверкающие прозрачной, немного мутноватой, белизной глыбы различались по очертаниям и размерам: большие, малые, толстые, тонкие, острые, округлые, тусклые, яркие. Они напирали друг на друга и вставали на дыбы, толкались, бодались ледяными лбами. Их вершины замирали в немом противостоянии: кто кого?

– Красота! – маленькие глазки отца Иоиля заблестели от сияющего разнообразия торосов. – Но красота обманчива: по таким местам гулять, особенно мне, новичку, что в шахматы играть: сделал шаг, тут тебе и мат, и маты... шагх-мат-ты...

Батюшка натужно засмеялся, но парни по-прежнему молчали. Прикрывая лоб ладонью, Сергей смотрел то в лобовое, то в боковое стекло. Ему казалось, что свои шутки священник говорил не к месту, да ещё и с наигранным простодушием. Молодой насельник не понимал ребяческой непосредственности зрелых бородатых мужей. Чрезмерная смешливость, по его мнению, словно трещина во льду, способна нарушить монолитность духовного подвижничества. Сам он был родом из этих мест, в монастырь пришёл недавно и представлял священников строгими и благообразными старцами, погруженными в постоянную молитву. Сергей не был близко знаком с Ваней, но мнение об отце Иоиле у них сложилось одинаковое. Ещё утром во время загрузки «Робура» они успели обсудить своё недоверие к незнакомому священнику.

– А вещей у отца столичного как у невесты на выданье, – возмутился Ваня, принимая сверху из рук Сергея несколько тяжелых чемоданов один за другим.

– Да, точно. Тяжеленные чемоданы-то... Ещё и дипломат с деньгами... Он и сам всё шутит про приданное. Всё шутит, шутит, а глазки хоть и маленькие, а словно буравчики во льду, насквозь тебя буравят...

Ваня ответил:

– Да... От столичной монашеской жизни даже монаху надо уходить в монастырь куда подальше... – Ваня хоть и был всего лишь трудником, но считал себя зрелым опытным насельником. Он уложил батюшкины

вещи на монастырские коробки и, спрыгнув на снег, длинно сплонул через щель между передними зубами: – Пристал ко мне Йоиль с вопросами: типа как поедешь да на какой скорости, а я ему сразу: моё дело – водительское, а ваше – пассажирское... Давно уж по зимнику с завгаром гоняю, сам разберусь.

– Одно дело с опытным завгаром рядом сидеть, а другое – самому рулить. Ты, Вань, сколько раз за рулём самостоятельно гонял по льду на острове? – спросил Сергей.

– Да ладно, проскочим... – не отвечая на вопрос, отвёл глаза Ваня.

Молодежь в монастыре, что тонкий лёд, который в любой момент может обломиться. Как вода приобретает твердость в морозном воздухе, так и монах кристаллизует свой характер в чувственном холоде. Чтобы кристаллы воли сформировались, необходима внутренняя опора, точка отсчёта. Основой для льда могут стать любые вещества и мелкие тела в воде: пылинки, пузырьки воздуха и даже сами молекулы воды. Они являются центрами, вокруг которых собираются, как легионы, чистые кристаллы и прозрачные узоры льда. Так же в душе человека. Личные недостатки, мелкие помехи, шероховатости характера заставляют искать смысл своего существования, проникать в природу своих слабостей и вокруг этого выстраивать кристаллы воли к чему-то высшему и совершенному. Процесс этот медленный, а молодежь полна энергии, удалы, желания совершать подвиги сейчас и сразу. Обломившись, тонкий лёд может принести немало бед. Но со временем он крепнет, становится весомей и старше. Промоины быстро затягиваются новой ледовой коркой. Нарастая слой за слоем, появляются ледовые бугры, торосы, в тех местах, где небольшая глубина и нестабильные течения. Нагромождение старых и молодых ледяных глыб, поддерживающих друг друга, складываются в гряду, словно оборонительную полосу, и подобно крепостному валу защищают береговые шхеры от вечной пустоты бескрайнего озера.

Ваня следил за дорогой и щурил глаза, выискивая проход между торосами. Заметив его, он стал выкручивать руль. Тяжелый грузовик сначала занесло немного в сторону, но водитель легко выровнял машину и лихо проскочил между вереницей торчащих льдов по узкой колее, проложенной местными рыбаками.

– Ух, наконец-то, финишная прямая, – выдохнул Ваня и, подняв подбородок, предложил посмотреть на линию горизонта. Туда, где, поблёскивая, появился пока ещё призрачный и далёкий остров Валаам. Ваня нажал на педаль газа, и грузовик помчался быстрее. Гул мотора сливался с треском позади, и этот грохот казался звуковой чёрной меткой за спиной, которая не позволяла расслабиться ни на секунду.

Двигаться по льду гораздо безопасней в морозную ясную погоду, когда Валаам отчетливо виден в открытой Ладоге. Ведь ледовые пути на озере неисповедимы. Даже Дорогу жизни во время блокады не просто проезжали, а прокладывали, часто меняя её направление в зависимости от состояния ледяного покрова. И движению машин помогали регулировщики. Местные рыбаки тоже умели отмечать автомаршруты по замёрзшему озеру. Они бурили лунки, измеряли толщину льда и затем в эти отверстия вставляли елочные ветки или небольшие деревца, которые становились дорожными знаками. Однако в ясный день такие предосторожности были излишними. Остров сам являлся лучшим ориентиром для любых путешественников.

– Валаам! Господи, помилуй, Валаам! – воскликнул священник. Он заулыбался и вновь заерзал на сиденье, смешно болтая ногами. Потом,

видимо, что-то вспомнил и серьезно обратился к Ване, всматриваясь в приборы на водительской панели. – Ваня, а ты с какой скоростью едешь? Мне не видно, отвечает... Самая опасная скорость – тридцать пять километров в час. Это учёные устано...

– Отец Иоиль, под руку водителю не стоит ничего говорить... Главное, чтобы Ваня видел сам, с какой скоростью едет, – холодно перебил Сергей батюшку и стал теревить пальцами свою небольшую бородку, так как сам не ожидал от себя подобной резкости.

– Да всё я знаю... Осталось двадцать километров по прямой. Скоро будем на месте, – Ваня немного повысил голос, и священник осекся.

Отцу Иоилю стало не по себе. Белая ширь пятнами расплывалась в его глазах. Однородность блестящего горизонта пугала воображение. И только бледные очертания Валаама придавали уверенность. Треск за спиной усилился в несколько раз. В открытой Ладоге лёд всегда тоньше и опасней. В проливах шхер он походил на дикое животное, посаженное в тесную клетку островов и скал. Здесь же на ветреном просторе лёд – единственный хозяин положения, ненадежный капризный повелитель и сам себе господин.

Впереди показалась трещина. Узкая щель. Разрыв в ледовом теле. Затрещина путешественникам. Кажется, само слово родилось из дикого треска ледяных глыб. По мере приближения грузовика ломаная линия становилась всё темнее и шире, превращаясь в разделительную полосу между людьми в машине и заветным островом.

– Объем, широкая... – вслух решил Ваня. Приблизившись к трещине, он повернул в сторону и повёл грузовик вдоль неё.

– Наверняка, рыбаки навели мостки, обычно брёвна издалека видны... найдем, – поддержал водителя Сергей.

– Была бы небольшая, проскочили бы мигом. А эта вон какая широкая, полметра, а то и больше... – рассудил Ваня и сбавил скорость, высматривая место переправы.

– Не сбавляй скорость... Лучше остановиться, раз переправы не видно, – предложил отец Иоиль.

– Зачем останавливаться? Грузовик тяжелый, бронированный, с грузом... Нельзя медлить... – рассудил Сергей.

«Робур» летел вдоль трещины, уходя всё дальше и дальше от кратчайшего пути к острову по прямой. А ширина разлома росла на глазах. Ваня передёрнул плечами и вцепился в руль. Он сжал его так, что костяшки пальцев побелели от напряжения. На скоростной панели виднелась цифра – тридцать пять километров. Но взволнованные попутчики не обращали на неё внимания.

Казалось, трещина, разделив озеро на две части от горизонта до горизонта, будет тянуться вечно. Снежная буря из-под колёс становилась плотнее, и Валаам стал таять где-то в стороне. Вдруг раздался сухой резкий звук. Задние колеса пошли вверх, а кабина начала оседать. Попутчиков повело вперед и вниз. Перед глазами мелькнул неожиданный разлом, и они поняли, что тонут.

Если бы в это время по небу летел вертолёт, то лётчики увидели бы, что грузовик двигался вдоль широкой трещины по направлению к ещё одной, едва заметной расщелине на поверхности узорного ледового поля. Чем ближе тяжёлый «Робур» приближался к новому, пока еще пунктирному, разлому, чем больше он давил мощным весом на ненадежный лёд, тем больше смещался центр тяжести к зарождающейся трещине. И когда нагрузка превысила допустимый предел, лёд

разошелся сначала по пунктирной линии впереди машины, затем треснул сзади, и образовалась отдельная льдина наподобие крышки гигантской кастрюли. Один её край поднялся вверх, а другой соответственно накренился вниз, и «Робур» покатился под лёд.

Когда во время блокады Ленинграда машины пошли по Дороге жизни, то многие из них проваливались в ладожскую пучину. Водители часто держали дверцу открытой, чтобы успеть выпрыгнуть. Перед учёными, изучающими льды, была поставлена задача выяснить, в чём причина подобных происшествий. Буквально за несколько дней, проведенных на Ладоге, группа специалистов определила, что дело в колебаниях. Когда автомобиль двигался по льду, под ним появлялась волна, и, если скорость волны совпадала со скоростью машины, то возникал резонанс. И происходило это при скорости грузовика в тридцать пять километров в час. Именно тогда лёд начинал трещать по швам.

Ваня и Сергей среагировали мгновенно. Почти синхронно открыли дверцы и прыгнули на твердую ледовую поверхность. Водитель оказался между полыньёй и основной трещиной и драпанул назад, обегая «Робур» сзади, чтобы оказаться на безопасной стороне, где беспомощно бегал Сергей, устремив тревожный взгляд на кабину, медленно уходящую под лёд. Грузовик имел высокий кузов, а значит, и достаточно воздуха внутри. Он, словно поплавок, всё-таки задержался на поверхности озера, но ненадолго. Завис на несколько секунд прежде, чем затонуть окончательно.

Отец Иоиль сначала метнулся к открытой водительской дверце, но шерстяной подол подрясника зацепился за рычаг переключения передач. Растерявшись, священник бросился в другую сторону к дверному проёму, в котором исчез Сергей. Он увидел, как осколки льда, словно прозрачные мёрзлые рыбины, толкаясь над тёмной водой, уже задрали острые морды, чтобы с волной проникнуть к нему в кабину и заполнить её полностью, забить до отказа, утяжелить «Робур» до такой степени, чтобы тот сдался, перестал сопротивляться и безвольной машиной пошёл ко дну.

Парни что-то кричали, но священник не понимал слов. Перед его глазами возникло пшеничное поле из подмосковного детства. Оно колосилось живым золотом. Сильные налитые стебли тяжело покачивались на ветру. Маленький Иоиль, тогда ещё Илюша, бежал без майки в одних трусах, чувствуя, как колосья касаются и щекочут его загорелую кожу, как напевно шепчут: «Рррршшшш». В глазах рябило от бликов, и казалось, весь мир состоит из солнечных лучей, тонких и ярких, из лучей и колосьев. Ему хотелось бежать и бежать, вечно, без оглядки, чтобы жар от стремительного движения, сливаясь с летним пеклом, пропитал и заполнил каждую клеточку его крепкого маленького тела; чтобы кожа его ладоней непрерывно ощущала легкие приятные уколы колосьев; чтобы пахло землей и сухой травой, твердыми тёплыми земляными комьями, из которых торчали мелкие корни и изогнутые стебли полевых трав; чтобы...

Сергей быстро расстегнул ремень, вытащил из штанов и забросил его бляшкой вперёд, словно удочку, по направлению к барахтающемуся священнику:

– Держи ремень, батя, батя Иоиль, да хватай же его... давай... крепче, крепче держи...ну же...

Светлая дублёнка топорщилась колом из воды. Борода уже намочилась и покрылась инеем. Священник почувствовал под ногами опору – крышу тонущей кабины, рывком оттолкнулся от неё и продвинулся вперед, раздвигая руками осколочный лёд. Он с трудом разжал покрасневшие пальцы и схватился за спасительную бляшку обеими руками.

– Ваня, помогай, тяни, брат, тяни... плавно... не резко... Батя, держись... брат... ещё чуть-чуть... Ещё... ещё... Ваня... давай... Фух...

Ваня схватил отца Иоиля за подмышку с одной стороны. Сергей бросил ремень и вцепился в воротник дублёнки. Они потянули изо всех сил и вытащили на скользкий берег священника, промокшего, но живого и невредимого, да, всё-таки спасли себя и... ближнего своего, человека – человечика с короткими смешными ногами в новых сапожках, ставшего за несколько мгновений настолько ближним, что и описать нельзя...

Бывает, поднимется снежная крошка с поверхности льда и заиграет на солнце миллиардами светящихся точек, словно сам воздух дышит морозным румянцем. Снежные искорки нестерпимо блестят несколько мгновений и осыпаются вниз. Так же ярко, но хаотично, воспринял отец Иоиль остаток пути на остров. Он видел происходящее словно со стороны и запомнил его больше потому, что потом парни часто и долго рассказывали об этом монастырской братии.

Они вспоминали наперебой, как священник неожиданно вскочил и затрусил по малому кругу словно мокрая псина, дрожа и отряхиваясь; шерстяной подол мгновенно заиндевел на морозе, покрылся ледяным панцирем и встал колом, а отец Иоиль смешливо заявил, что теперь он колокол и звон его должны услышать на острове; как заботливо парни переправляли отца через трещину, практически перекинув; Ваня отдал священнику свою черную куртку, надел его дублёнку, вывернув светлой шерстью наружу, и отец Иоиль стал веселить расстроенного водителя, пытаясь отвлечь от мрачных мыслей об утопленном «Робуре», своими смешными рассуждениями: мол, теперь-то он стопроцентный колокол по цветовой гамме, и сверху, и снизу, а Ваня в дублёнке и без шапки стал белобрысым по пояс, словно викинг; как Сергей участливо спрашивал, не холодно ли батюшке, а тот отвечал, что он батюшка, а не барышня с пышным подолом, который, кстати, заиндевел так, что не пропускал холод внутрь, а он «именно колокол, понимаешь, Сергей, колокол», и священник щёлкал пальцами по стальному подолу, пытаясь «зазвенеть»; парни уже не могли сдерживаться и смеялись от души, не переставая идти быстрым шагом к всё более и более увеличивающимся очертаниям острова; вдруг отец Иоиль резко остановился и как-то вдумчиво, непривычно серьезно сказал, что монах должен жить так, чтобы каждый удар его сердца стал похож на удар колокола; парни притихли, а священник стал рассказывать о Дороге жизни и роковой отметке в тридцать пять километров; и Ваня вспомнил наставления завгара о том, что ехать нужно было со скоростью либо ниже тридцати, либо выше сорока километров в час; как батюшка Иоиль обратил внимание на мелкие блестящие сосульки, торчащие изо льда вертикально; наблюдая за полярной травкой, он пропустил самое главное: парни остановились, радостно закричали и замахали руками, стали подпрыгивать, потому что увидели старенький ЗИЛ с завгаром за рулём, который спешил им на выручку; он повёз путешественников напрямик в баню на Смоленский скит; и как долго ещё братия шутила, что отец Иоиль пришёл в монастырь без приданного от московских олигархов, а послушник Сергей в ответ защищал его и не скупился на похвалы, повторяя: «Отец Иоиль... молоток... даже не заболел... наш человек!»